

Э.Л. НИТОБУРГ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАСОВОЙ ПРОБЛЕМЫ В США НА РУБЕЖЕ XX–XXI веков

В свое время один из участников движения за гражданские права в США назвал расизм "государственной религией, столь же неотделимой от Америки, как католическая религия от Ватикана". Однако расизм, как и всякий исторический феномен, не статичен и постоянно трансформируется. Комплекс неполноценности у той или иной расовой группы – также не врожденное, а историческое явление и возникает в рамках междрасовых отношений, когда они развиваются в условиях господства в обществе расизма. Созданная президентом Л. Джонсоном в связи с восстаниями в черных гетто десятков городов Национальная комиссия по расследованию гражданских беспорядков в опубликованном ею в 1968 г. отчете заявила: "Расовые предрассудки решающим образом очертили историю нашей страны, а теперь угрожают нашему будущему. Именно белый расизм – основная причина появления той взрывчатой смеси, которая накопилась в наших городах после Второй мировой войны". И далее: "Белые никогда полностью не понимали, что белое общество ответственно за появление гетто, а негры этого никогда не смогут забыть. Белые институты охраняют его, белое общество мирится с ним"¹.

Законы о гражданских правах, принятые в 60-х годах, запретив расовую сегрегацию и дискриминацию, создали юридические предпосылки для ликвидации в стране институционального расизма. В последующую треть XX в. постепенная реализация этих законов и "программ позитивных действий" позволила миллионам афроамериканцев не только широко использовать свое избирательное право, но и получать образование, квалификацию, трудиться на предприятиях и в учреждениях, куда ранее доступ им был закрыт. Это дало возможность представителям властей и некоторым авторам утверждать, что с институциональным расизмом в стране покончено.

Однако другие авторы придерживаются иного мнения. В частности, социолог, афроамериканец А. Пайнкни в монографии "Миф о прогрессе черных" писал о живучести последствий институционального расизма в экономике, образовании, здравоохранении, юстиции, где афроамериканцы постоянно сталкиваются с расизмом². При этом, как отмечали социологи и экономисты, механизм "институциональной дискриминации" особенно заметно действует в сфере экономики. Об этом свидетельствует официальная статистика безработицы среди белых и черных. В условиях острой конкуренции на рынке труда дипломы четырехгодичных колледжей, не говоря уже о двухгодичных, не котируются и почти не гарантировали работы по специальности. Но, «что стало еще хуже, – по словам автора статьи в еженедельнике "Ньюсуик", – терялись возможности для продвижения вперед; многие черные чувствуют и говорят, что они должны быть в два раза лучше и работать вдвое больше, чтобы их считали только равными. Разрыв в зарплате между черными и белыми намного расширился. В некоторых профессиях черных катастрофически мало»³. Вашингтонский центр политических исследований летом 1988 г. сообщал,

Нитобург Эдуард Львович – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 0601-0007а).

¹ Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders. New York, 1968, p. 2, 203.

² Pinkney A. The Myth of the Black Progress. Cambridge, 1984, p. 78–79.

³ Newsweek, 7.III.1988, p. 36.

что "в целом экономические перспективы для черных граждан мрачны: почти половина из них начинает жизнь в бедности; в зрелые годы они сталкиваются с высоким... уровнем безработицы; и вероятность того, что свою старость они проведут в бедности, вдвое выше, чем у белых"⁴.

Что касается образования, то здесь афроамериканцы постоянно сталкиваются с расовой дискриминацией. "Каждый раз, — пишет А. Пайнкни, — когда начинается школьный учебный год, происходит упорное сопротивление автобусным перевозкам школьников (в соответствии с постановлением о десегрегации школ. — Э.Н.)... Не менее характерно и широко распространенное обеспечение школ в белых районах более квалифицированными учителями, лучшими учебными пособиями и приборами"⁵. Газета "Вельт" (ФРГ) в июне 1989 г. констатировала, что "спустя 35 лет после отмены расовой сегрегации в школах во многих сферах вновь начала расширяться пропасть между темнокожими и белыми" в США⁶. «Независимо от того, как они туда попали, большое число черных уходит из университетов, — сообщал еженедельник "Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт". — В Калифорнийском университете в Беркли заканчивает учебу один из каждых четырех черных студентов по сравнению с двумя из каждых четырех белых. Мы нашли новые и лучшие пути изоляции тех, кого изолировали и в прошлом, — заявил в связи с этим профессор Гарвардского университета Чарльз Уилли. — Вместо того, чтобы делать это на расовой основе, мы делаем это на основе элитизма»⁷.

По приведенным в конце 1995 г. в еженедельнике "Ю.С. энд уорлд рипорт" многолетним данным официальной статистики, темнокожие американцы значительно чаще, чем белые, подвергаются обыскам, задержаниям и арестам, становятся жертвами избиений и убийств полицейскими; они получают за совершенные преступления более высокие сроки наказания, чем белые. Черные, доля которых в населении страны достигла 12%, составляли 62,1% всех арестованных за грабеж, 57,6% — за убийство, 43% — за незаконное хранение и использование оружия, 41,1% — за изнасилование, 39,3% — за продажу наркотиков, 30,9% — за кражи. Согласно статистическим данным, 32,2% черных мужчин в возрасте 20–29 лет находились в местах заключения либо под наблюдением как освобожденные условно досрочно или на поруки. В столице же страны Вашингтоне их доля достигла 50%. В глазах большинства белых эта статистика — всего лишь отражение того факта, что черные, в особенности молодые мужчины, составляют непропорционально высокую долю преступников. В глазах же большинства черных, эти данные — порождение расистски ориентированной системы правосудия⁸.

"Черные с цинизмом и недоверием относятся к системе уголовного правосудия, — объяснял это тогда же профессор права Университета штата Пенсильвания Л. Гуиниер, — ибо для 66% черных, согласно последним опросам общественного мнения, эта система является насквозь расистской", хотя семью годами раньше так считали 55% их⁹.

Однако самым наглядным подтверждением живучести последствий институционального расизма все еще оставались черные гетто не только на севере и на западе, но и на юге. "Расовая сегрегация, — свидетельствовал профессор К. Тойбер из Центра по проблемам демографии и экологии Висконсинского университета, — по-прежнему существует в широких масштабах во всех американских городах со значительным черным населением"¹⁰.

Проведенное в 1990 г. исследование воздействия миграции на расовую структуру населения в городах США снова подтвердило, что существование расовой дискриминации в жилых районах все еще играет важную роль в выборе жилища¹¹. "Образ опасного

⁴ Turgeon L. State Discrimination. The Other Side of the Cold War. New York – London, 1989, p. 49.

⁵ Pinkney A. Op. cit., p. 79.

⁶ Die Welt, 25.VII.1989.

⁷ U.S. News and World Report, 8.VI.1987, p. 75–76.

⁸ U.S. News and World Report, 16.X.1995, p. 53–54.

⁹ The Wall Street Journal, 4.X.1995; San Jose Mercury News, 8.VIII.1988, p. A-5.

¹⁰ The New York Times, 1.III.1998.

¹¹ The Impact of Net Migration on Neighborhood Racial Composition. — Urban Studies, 1990, v. 27, № 5, p. 705–717.

центра города переносится на все черное население, – констатировал У.Д. Уилсон из Чикагского университета. – Пока мы не решим проблему неимущих, будет невозможно создать здоровые расовые отношения в нашей стране"¹².

Таким образом, несмотря на очевидный прогресс в отношении значительной части белого населения к темнокожим, в сознании многих белых американцев весьма живучи оказались и, видимо, долго еще будут сохраняться глубоко укоренившиеся в нем расистского характера пережитки и стереотипы. Во всяком случае, обзор расовых отношений, предпринятый в 1990 г. Чикагским университетом, показал, что трое из каждых четырех белых американцев убеждены, что черные и испаноязычные граждане США менее интеллигентны и патриотичны, но более ленивы и склонны к насилию, чем белые граждане¹³. Именно поэтому авторы исследования "Расовые отношения в Америке" пришли к выводу о "смеси прогресса и сопротивления" в позициях белых американцев – более горячей поддержке "абстрактных принципов" интеграции, чем их претворения в жизнь¹⁴.

Согласно опросу, проведенному газетой "Вашингтон пост" в октябре 1995 г., 68% темнокожих и только 38% белых американцев считали, что расизм по-прежнему остается главной проблемой страны. Опрос показал, что большинство белых убеждено в том, что средний темнокожий американец находится в лучшем положении, чем средний белый во всем, что касается получения жилья, образования, работы и медицинской помощи. Все это, как писал, комментируя его результаты, лондонский журнал "Экономист", "глубокое заблуждение": "Если подобное невежество будет сохраняться, пропасть между черными и белыми станет только глубже"¹⁵.

РАСИЗМ УКРАДКОЙ

Автор статьи в итальянском журнале "Эспрессо", его корреспондент в США Д. Флеска писал в 1987 г. о вновь дающих о себе знать "метастазах" и «призраках прежнего расизма с капюшонами ку-клукс-клана и кретинами, жаждущими возродить арийскую нацию на территории некоторых северо-западных штатов, с... пылающими крестами, избиениями палками и камнями, а также с мрачным припевом: "Ниггеры, убирайтесь домой". Но к этим, давно дискредитировавшим себя пережиткам прошлого, – продолжал он, – сейчас добавились новые ингредиенты, гораздо более опасные, т.е. ползучий замаскированный расизм... по отношению к темнокожему населению»¹⁶.

Открытый расизм стал уже на рабочих местах, как правило, неприемлем, и ряд компаний обязал своих служащих проходить курсы обучения взаимопониманию между расами, создал свои интегрированные кафетерии, команды для спортивных игр и т.д.¹⁷ К тому же, открытый расизм, независимо от того, выражается ли он в словах или поступках, преследуется юридически. Так, в 1988 г. семеро полицейских в Нью-Йорке оскорбили на Центральном вокзале подвыпившего афроамериканца, сказав ему: "Ты, наверное, объелся арбузов и измазался в гуталине, потому такой черный?" – получили дисциплинарные взыскания. В Детройте темнокожий сталевар Б. Китчен, над которым после назначения его мастером белые коллеги в течение 6 лет издевались (портили автомобиль, писали на его рабочем месте расистские оскорбления, подкидывали дохлых крыс в столовой), обратился в суд. И компании пришлось выплатить Китчену 1.5 млн. долларов¹⁸.

¹² The Wall Street Journal, 26.III.1988.

¹³ Time, 27.III.1991, p. 42.

¹⁴ Newsweek, 7.III.1988, p. 27.

¹⁵ The Economist, 14.X.1995, p. 7.

¹⁶ L'Espresso, 29.III.1987, p. 50–51.

¹⁷ Newsweek, 7.III.1988, p. 36.

¹⁸ Der Stern, 6.X.1988, S. 85, 87.

В более или менее завуалированных формах расизм, в том числе бытовой, распространился в некоторых регионах и социальных слоях достаточно широко и проявлялся в самых различных формах. Например, писатель-афроамериканец Ч.К. Ададе, эмигрировавший из ЮАР в США, где он жил сначала на севере, а в 80-х годах переехал на Юг, отвечая на вопросы корреспондента журнала "Таймс", рассказывал: "Большинство белых американцев... редко бывает в гетто. Они ничего не знают о подлинной жизни темнокожих. Они реагируют на то, что видят по телевизору". На вопрос: "Вы живете сейчас в Северной Каролине. Сталкиваетесь ли Вы с какой-либо враждебностью на американском Юге?" – он ответил: "Нет. Я спрашиваю себя, почему люди реагируют на меня не так, как реагируют северяне. И я понял, что в тех местах на Юге, где перемены произошли, они были истинными. Многие белые люди стараются изо всех сил, чтобы их не сочли расистами, чтобы никакая ситуация не имела расовой подоплеки. Меня не удивляет, что все больше черных возвращается на Юг"¹⁹. И далее: "Когда я приехал в США в 1978 г., я думал, что Америка давно решила свои расовые проблемы, что чернокожие стали равноправными гражданами. И я нашел, что во многих отношениях это верно. США казались на сто лет обогнавшими Южную Африку. Затем я обнаружил к своему ужасу, что в душе отношение белых к чернокожим очень мало изменилось со времен линчеваний. А без таких изменений законы относительно бессильны. Во многих городах сосуществуют мир черных и мир белых"²⁰.

Французская писательница и журналистка Николь Бернхем, прожившая несколько лет в США, в интервью корреспонденту журнала "Пари-матч" также говорила об отсутствии "всякого общения" между черными и белыми американцами. «Они иногда работают вместе, но после работы каждый из них возвращается в "свой круг". Они фактически ничего не знают друг о друге, они никогда не ходят друг к другу в гости, они вообще не смешиваются. На улицах Вы почти никогда не увидите белых и черных вместе. В ресторанах они всегда сидят за разными столиками. Если белый и черный окажутся за одним столиком, это сразу же привлечет внимание всех остальных посетителей». На вопрос: "Значит, Вы считаете, что среди белых американцев сохраняется определенный расизм?" – она ответила: "Я отвечаю, что расизм распространен главным образом в средних классах общества. В высших сферах в психологии людей, видимо, наблюдается эволюция. Но главное – у них меньше оснований опасаться. Они могут себе позволить пойти против общественного мнения, поддерживая контакты и отношения с людьми других рас. А в самых низах людям, как говорится, уже нечего терять. Так что в Соединенных Штатах расисты (белые. – Э.Н.) относятся главным образом к средним классам"²¹.

По словам черного профессора права Южного университета в Техасе Д. Хилла, "Америка интегрирована только постольку, поскольку нам приходится контактировать друг с другом. После пяти часов вечера белые и черные замыкаются в своих изолированных друг от друга мирах"²². «У меня очень мало белых друзей, – вторит ему Дж.В. Эмсон, черный вице-президент "Голдмэн, Сакс энд компани" – одной из самых крупных в США финансовых фирм. – Когда я кончаю работу, жизнь представляется мне в мрачном свете». Даже годовой оклад в 300 тыс. долларов не обеспечивает ему, по свидетельству рассказывающего об этом французского журнала "Пуэн", доступ в салоны белых; и, как у всех преуспевающих афроамериканцев, "в нем чувствуются тревога и внутренний разлад"²³.

Поскольку физическое сходство с точки зрения обыденного сознания служит косвенным подтверждением единства происхождения и биологического родства представителей этнической общности, то в среде относительно гомогенной по своему расовому со-

¹⁹ Time, 12.XI.1990, p. 66.

²⁰ Ibidem.

²¹ Paris Match, 4.VII.1986. Цит. по: Бюллетень политической информации ТАСС, 28.VII.1986, с. 52, 53.

²² Newsweek, 7.III.1988, p. 25.

²³ Le Point, 10.IX.1990, p. 63.

ставу трудно только по внешним физическим признакам отличить "своего" от "чужого". Но в среде расово гетерогенной человек "чужой по происхождению" по внешним признакам обычно узнается без особого труда, даже если он полностью адаптировался к этой среде по языку, культуре и психологии. Это в полной мере относится к афроамериканцам в США. Как показало завершенное в 1989 г. исследование упомянутого выше социолога Д. Мэсси из Чикагского университета, афроамериканцы подвергались в два раза большей сегрегации на расовой основе, чем американцы азиатского происхождения, и на 60% больше, чем испаноязычные американцы²⁴.

В 80-х годах одни авторы стали называть расизм неорасизмом, а другие – "иезуитским", "ползучим", "рафинированным" расизмом.

Профессор Манхэттенского института политических исследований Ч. Мюррей еще в 1984 г. писал, что расизм стал в США категорией, вызывающей моральное осуждение, а многие белые американцы стремятся доказать, что они не расисты, и сознание своей вины у них присутствует весьма отчетливо²⁵. Действительно, около 15 штатов приняли закон о более строгих наказаниях за расистские, антисемитские и прочие подобного рода преступления, и проявления открытого грубого расизма стали встречаться гораздо реже, но сам по себе расизм, как оказалось, отнюдь не исчез, а лишь был загнан в души поглубже.

«Неорасизм, т.е. расизм эпохи Рейгана, уже не носит белые капюшоны, – писал упомянутый ранее корреспондент газеты "Эспрессо" Д. Флеска. – Действуя очень тонко, он все больше оттирает назад темнокожую общину, применяя идеологические, а также экономические средства. Убеждение в том, что нищенским черным гетто помогали не слишком мало, а слишком много, быстро распространилось среди белого населения Америки. А у белых, принадлежащих к рабочему классу, есть еще одна причина испытывать враждебность к черным. Именно они мешают белым американцам во все более трудных поисках работы»²⁶.

В 1989 г. Верховный суд США принял ряд решений, отвергавших требования меньшинств, основанные на законе 1964 г. о гражданских правах (в том числе квотах), и, как сообщил в феврале 1990 г. еженедельник "Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт", ныне судами рассматриваются лишь случаи злостной, намеренной дискриминации, запрещенной законом²⁷. В мае 1991 г. журнал "Ньюсуик" констатировал, что хотя, по данным Национального центра изучения общественного мнения, в Чикаго поддержка белыми американцами интеграции черных и расового равенства находится на рекордно высоком уровне, в стране растет недовольство тем, что дискриминация афроамериканцев в прошлом должна давать им теперь преимущества в получении образования и при найме на работу. В статье по этому поводу говорилось, что «миллионы консервативно настроенных белых из числа рабочих... считают квоты несправедливыми, а главное, полагают, что эти квоты соблюдаются за их счет... хотя историческую дискриминацию осуществляли иные люди... Мнение, что маленькие люди не могут себе позволить "расплачиваться" за прошлое, резко возросло в связи с экономическими трудностями»²⁸.

Проблемы расизма и расовой дискриминации в США на исходе XX в. вновь оказались в центре внимания американских экономистов, социологов, политологов. Причем в подходах к этим проблемам, в том числе и со стороны ученых-афроамериканцев, появились некоторые новые тенденции. Характерна была в этом плане монография "Цвета и оттенки расизма в Америке", автор которой считал необходимым различать не только понятия "белый" и "черный" расизм, но и выделять для каждого из них четыре степени его проявления: 1) "Минимально" негативное отношение к представителям дру-

²⁴ Newsweek, 7.III.1988, p. 35.

²⁵ The New Republic. December 1984, p. 23.

²⁶ L'Espresso, 29.III.1987, p. 53.

²⁷ U.S. News and World Report, 12.II.1990, p. 26.

²⁸ Newsweek, 6.V.1991, p. 23, 30.

гой расы, которая рассматривается как низшая по положению в обществе, но не по происхождению. 2) "Максимально" негативное отношение, когда представители одной расы относятся к представителям другой как к существам, низшим по происхождению. 3) "Минимально" позитивное, положительное отношение представителей одной расы к представителям другой как к высшей по положению в обществе, но не по происхождению. 4) "Максимально" позитивное отношение, когда представителями одной расы превосходство другой принимается безоговорочно, как предопределенное генетически. Автор полагает, что развитие капитализма на определенном этапе вызвало к жизни рабство черных, которое, в свою очередь, обусловило появление "белого" расизма как своего рода "оправдания" этого рабства. "Черный" же расизм автор рассматривал как реакцию на "белый" расизм²⁹.

Не вдаваясь по существу в предложенную автором классификацию типов расизма, поскольку это не входит в нашу задачу, хотелось бы подчеркнуть, что сторонников биорасизма – ученых, полагающих, что корни расизма – биологические, что он обусловлен врожденной антипатией "белых" к "небелым" и т.д., осталось мало. Подавляющее большинство ученых сходится на том, что корни его связаны прежде всего с экономическими и социальными факторами, хотя не отрицают и психологические. В частности, во введении опубликованного в Бостоне сборника "Плюрализм, расизм и социальная политика" подчеркивалось, что авторы его исходят из того, что "расизм как мировоззрение и расизм как форма экономической эксплуатации во взаимодействии образуют существеннейшую черту общества Соединенных Штатов"³⁰.

Однако по вопросу о том, насколько и как изменилось положение афроамериканцев со времени принятия в 60-е годы законодательства о гражданских правах, а также, что представляет собой современный расизм в стране, позиции и точки зрения американских ученых расходятся. Одна группа авторов (как белых, так и черных) полагает, что можно говорить о значительном прогрессе черной общины в последней трети XX в., ибо с институциональным расизмом и правовой дискриминацией афроамериканцев в США покончено. Таково, например, мнение известного борца за гражданские права, черного общественного деятеля, теоретика и участника афроамериканского рабочего движения Б. Растина. Анализируя упомянутую выше книгу А. Пайнкни "Миф о прогрессе черных", он писал, что в ней много спорного, поскольку прогресс этот достаточно сложен и противоречив, ибо нельзя измерять его только экономической и социальной статистикой. Во-первых, отмечал Растин, произошли значительные позитивные сдвиги в отношении белых американцев к черным. Во-вторых, хотя политика Рейгана подорвала экономические позиции значительной части темнокожего населения и армия черных бедняков выросла, но в то же время вырос и укрепил свои позиции темнокожий средний класс. В-третьих, бедность и другие экономические трудности афроамериканцев далеко не всегда являются следствием расизма. Страдает ведь и огромная армия белых бедняков. В-четвертых, нельзя забывать о больших успехах афроамериканцев в борьбе за свое представительство в органах власти на всех уровнях, за самоутверждение и чувство собственного достоинства. Чрезвычайно важно, что черные за последние два десятилетия преодолели большой психологический барьер³¹. Более или менее сходные позиции занимают некоторые профессиональные социологи и политологи.

На противоположной стороне спектра мнений, помимо А. Пайнкни, можно назвать ряд других, как черных, так и белых авторов. Например, Г. Круз, отмечая, что расизм в

²⁹ Raikin E. The Colors and Dresses of Racism in America. – International Journal of Social Economics, 1990, v. 17, № 7–8, p. 1–108.

³⁰ Pluralism, Racism and Public Policy. The Search for Equality. Boston, 1981, p. X.

³¹ Rustin B. Are Blacks Better off Today? – Atlantic, October 1984, p. 121–123. Кстати, А. Пайнкни и сам признал, что ныне «на Юге черные занимают должности, которые прежде были зарезервированы за белыми. Школы на Юге во многих случаях более интегрированы, чем школы в других регионах, а южане, прежде обращавшиеся к черному мужчине со словами "бой" (парень), теперь говорят "сэр" или "мистер" (господин, сударь)». – Pinkney A. Op. cit., p. 78.

современной Америке умело камуфлируется, в своем исследовании пришел к выводу, что расовая дискриминация по-прежнему остается источником нищеты, безработицы, наркомании и других бед, разьедающих большую часть темнокожих американцев³². Б. Уильямс, социолог из Университета штата Миссисипи, полагал, что принятие законов о гражданских правах и создание Комиссии по обеспечению равных возможностей по найму способствовали сокращению лишь "очевидной", "формальной" дискриминации в получении жилья, избирательных правах и в сфере занятости. Однако расовая дискриминация остается еще достаточно живучей, особенно в области занятости³³.

Еженедельник "Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт" в октябре 1995 г. с тревогой констатировал устойчивое сохранение "расизма украдкой", "безошибочно определяемого каждым черным, но в основном не различимого для многих белых". Этот расизм "очевиден в ежедневных столкновениях черных с расовыми предрассудками и дискриминацией, которые напоминают о том, что их часто считают менее умными, менее трудолюбивыми, менее честными и имеющими меньше вероятностей преуспеть в жизни"³⁴.

Социолог из Университета штата Нью-Йорк в г. Буффало, профессор С. Уиллхем в монографии "Черный в белой Америке" оспаривал доводы и резко критиковал позицию сторонников тезиса о "прогрессе черных". Он утверждал, что расизм по-прежнему остается национальным бедствием, ибо афроамериканцы, получив формально те же политические и социальные права, не получили равных с белыми возможностей владения и контроля над собственностью³⁵. Собственностью, писал он, как и раньше, остается в руках белых, но в отличие от прошлых веков, в эпоху НТР и полной автоматизации труд черных впервые в истории США не только перестал пользоваться спросом, но вообще становится не нужен. Экономическая необходимость их эксплуатации отпадает. Отсюда и высокий уже сейчас среди них уровень постоянной безработицы. Поэтому-то "белые охотно предоставляют равенство" афроамериканцам, ибо их рабочая сила уже не нужна. Насильственно оттираемые от участия в производстве, они окажутся исключены из резервной армии труда и обречены на люмпенизацию. Таким образом, афроамериканцы окажутся перед дилеммой: либо пассивно смириться со своей судьбой, либо – в случае бунта – оказаться жертвой карательного аппарата капиталистической Америки. Уиллхем назвал это "условным геноцидом"³⁶.

По существу, независимо от разногласий по поводу того, исчез уже или нет "классический" расизм и насколько существен прогресс, достигнутый афроамериканцами, многие американские ученые признают, что расизм как таковой в стране жив и лишь принимает иные, часто скрытые, а порой и прямо "противоположные" формы.

«Сегодняшний кризис, – утверждалось в статье, опубликованной в мае 1991 г. журналом "Ньюсуик", – в большинстве случаев выражается не в кровавых столкновениях, о которых кричат заголовки газет, и не в пылающих городах – по крайней мере, пока еще. Бунты 60-х годов были революцией растущих ожиданий: черные почувствовали вкус к власти и захотели ее побольше и побыстрее. Сегодня проблема – разбитая мечта». Отметив, что, если при опросе общественного мнения в 1988 г. 49% белых и 33% черных считали, что черные живут лучше, чем 5 лет назад, то при опросе весной 1991 г. доля оптимистов сократилась до 38% белых и всего 21% черных, автор статьи писал: "Означает ли это, что больше нет никакой надежды на прогресс? Вовсе нет. Растущее разочарование породило некоторые стимулирующие противоречивые новые идеи о том, как улучшить отношения между расами"³⁷.

³² *Cruse H.* Plural but Equal: a Critical Study of Blacks and Minorities in America's Plural Society. New York, 1987, p. 371.

³³ *Williams B.* Black Workers in an Industrial Suburbs: the Struggle against Discrimination. New Brunswick, 1987, p. 122.

³⁴ U.S. News and World Report, 23.X.1995, p. 40.

³⁵ *Willhelm S.* Black in White America. Cambridge (Mass.), 1983, p. 1.

³⁶ *Ibid.*, p. 345–347.

³⁷ Newsweek, 6.V.1991, p. 29.

Одной из таких идей, выдвигавшихся уже с 80-х годов рядом известных темнокожих "неоконсерваторов" – экономистов, политологов и социологов (таких, как Т. Соуэлл из Института Гувера в Стэнфорде, Калифорния, Г. Лоури из Гарвардского университета, С. Шелби из Калифорнийского университета в Сан-Хосе, Ч. Мюррей, Б. Чизвик, У. Уилсон и др.), было предложение лидерам движения за гражданские права отказаться от "мании преследования" – видеть все только в абстрактном черно-белом измерении. Нельзя обвинять во всех бедах афроамериканцев только расизм и белых американцев, якобы замысливших геноцид против черных. Необходимо ныне ставить вопрос о равной ответственности за сложившуюся в расовых отношениях ситуацию, т.е. ответственности не только белых, но и черных, которые должны стараться больше делать, чтобы помочь самим себе³⁸. И поэтому, несмотря на различия между ними, всех этих "неоконсерваторов" объединяло в высшей степени критическое отношение к политике "позитивных действий" и убеждение в том, что вмешательство правительства на рынке с целью увеличения возможностей темнокожих приносит афроамериканцам больше вреда, чем пользы. Среди сторонников этой точки зрения можно назвать также первого в XX в. в США афроамериканца губернатора штата Ч. Уайлдера и темнокожего конгрессмена-республиканца от штата Коннектикут Г. Фрэнкса.

Темнокожие "неоконсерваторы" и их сторонники, подобно Р. Рейгану, хотя и с иных позиций, выступили, в частности, против квот для афроамериканцев. Они убеждены, что в конечном счете квоты наносят вред самим темнокожим, как гражданам "второго сорта", способствуя сохранению у них, с одной стороны, сознания собственной неполноценности, а с другой – паразитических склонностей. Левые круги в темнокожей общине и вообще либералы в США считали неоконсерваторов соглашателями и чуть ли не ультраправыми. Однако последние были отнюдь не "дяди Тома", никак не ощущали себя "ниже белых", и при внимательном рассмотрении их аргументации в ней можно обнаружить немало элементов истины, в частности, по их мнению, на смену традиционному, или "классическому" расизму пришел "новый расизм", суть которого состоит в предпочтительном отношении белых американцев к темнокожим, и наиболее ярким выражением его являются "программы позитивных действий". Между тем они наносят ущерб таким моральным ценностям, как уважение и самоуважение, ибо уважения достоин лишь тот человек, который достиг успехов без какой-либо посторонней помощи благодаря своим личным заслугам.

"Новой дилеммой Америки" назвал расовую проблему в США политолог Г. Лоури. "Сегодня, – писал он, – мы столкнулись с новой американской дилеммой, которая особенно трудна для негритянских лидеров и негритянского среднего класса. Низшие слои негритянской общины создали серьезные и неотложные проблемы, в которых нельзя больше обвинять только белый расизм и которые вынуждают обратить внимание на крупные неудачи самого негритянского движения. Социальная дезорганизация среди бедняков-негров, отставание негритянских учащихся, внушающий беспокойство высокий уровень преступлений негров против негров, тревожащее увеличение числа внебрачных детей у молодежи – все эти проблемы сейчас являются главным препятствием на пути к прогрессу. Признание этих неудач, возможно, может дорого обойтись лично негритянским лидерам и сыграть на руку дремлющим расистским настроениям. Не признать же их, однако, означает препятствовать решению проблем и усугублять расовую поляризацию в стране. Если новую американскую дилемму не разрешить в скором времени, то мы можем столкнуться с возможностью постоянного раскола в нашей политической системе по расовой линии"³⁹.

³⁸ The New Republic, December 1984, p. 14–24; Commentary, January 1987, p. 34–38; Sowell T. *Ethnic America. A History*. New York, 1981, p. 223.

³⁹ Loury G. *A New American Dilemma*. – The New Republic, 1984, v.191, p. 14–18; *idem*. *Who Speaks for American Blacks?* – Commentary, 1987, v. 83, p. 35–37; *idem*. *Free at Last? Racial Advocacy in the Post Civil Rights Era*. New York, 1987.

Т. Соуэлл – автор многочисленных работ по экономике и расовым проблемам, в отличие от Лоури, идеализировал свободный рынок, в частности, принижал экономические последствия дискриминации. Исходя из этой идеализации, он вместе с тем приходил к аналогичному с Лоури выводу о том, что самопомощь, а не вмешательство правительства на рынке является фактором экономического прогресса для американских черных. Его приверженность идее самопомощи основывалась на убеждении в том, что экономические успехи различных расовых и этнических групп являются прямым следствием их культурных атрибутов. Так же, как и Лоури, он считал, что высокий процент бедности среди черных вызван главным образом отсутствием высокой культуры и таких ее атрибутов, как дисциплинированность, трудолюбие, экономность и т.д.⁴⁰

По мнению С. Шелби, убежденного, что квоты и "программы позитивных действий" – плоды чувства вины белых за века рабства черных, практически лишь усилили среди черных пораженческие настроения, ощущение себя жертвой "нового" расизма и стремление приписать свои трудности прежде всего ему, а не собственным недостаткам. Поэтому, заявляет он, "черные от позитивных действий теперь больше теряют, чем достигают"⁴¹.

Еще более заостренно ставил вопрос о "равной ответственности" белых и черных за нынешнюю расовую ситуацию в США профессор Манхэттенского университета Ч. Мюррей. В своей статье о "позитивном расизме" он писал, что в Америке, наряду со старым, традиционным расизмом, возник новый расизм, суть которого состоит в предпочтительном отношении к темнокожим. Это явление, распространенное среди образованной, богатой и занимающей влиятельные посты в бизнесе и правительстве белой элиты, автор характеризует как весьма опасное и направленное исключительно на темнокожее население США. Соответственно из этой новой тенденции пока исключены испаноговорящие и другие этнические меньшинства.

"Новые расисты", отмечал он, не считают темнокожих людьми второго сорта, они убежденные сторонники осуществления гражданских прав. Но в то же время эти люди проявляют все классические симптомы поведения расизма, т.е. относятся к темнокожим иначе, чем к белым, исключительно из-за их цвета кожи, но в положительном, а не в отрицательном смысле. Результаты такого подхода могут быть столь же негативными и несправедливыми, как и при "классическом расизме", когда афроамериканцам отказывали в получении образования, которое они при прочих равных условиях могли бы получить, назначали их на посты без какой-либо перспективы повышения и вообще отказывали в праве конкурировать на равных правах с белыми.

Характерной чертой "нового расизма", писал Мюррей, является то, что его представители думают о темнокожих иначе, чем о белых. Общие послышки деятелей этой школы не вызывают возражений: они считают, что темнокожие должны достигнуть полного равноправия, которого пока не существует в силу пережитков старого расизма, политики неравных возможностей и исторического наследия. В результате, считают "новые расисты", темнокожие профессионально всегда будут несколько уступать белым по качеству работы, пока положение кардинально не изменится. Так, юрист, придерживающийся этой идеологии, привыкает к мысли о том, что документ, представленный темнокожим коллегой, будет обязательно более слабым, чем собственная бумага. Бизнесмен полагает, что темнокожий никогда не сможет сделать из прочтения финансового отчета компании такие же тонкие выводы, как он сам. Учитель заведомо считает, что темнокожие ученики будут по успеваемости худшими в классе⁴².

Благодаря квотам корпорации и вузы обязаны принимать определенное количество афроамериканцев, в число которых попадают отнюдь не только те, кто заслуживает

⁴⁰ Sowell T. Education. Assumptions versus History. Stanford (Cal.), 1986, p. 89, 140, 194–195; *idem*. A Conflict of Vision. New York, 1987, p. 123–125, 132–133, 200–203.

⁴¹ Time, 27.V.1991, p. 45; Harper's Magazine, 30.XI.1999, p. 9–11.

⁴² Murray Ch. The Affirmative Racism. – The New Republic, 1984, v.191, № 27, p. 18–24; Time, 17.V.1991, p. 45.

этого по своим способностям, знаниям, квалификации, опыту. Там, куда попали эти "черные избранные", к ним из-за цвета их кожи призывают относиться "особенно деликатно". Однако в колледжах или престижных университетах те из них, кто без квоты никогда на конкурсных экзаменах туда не прошел бы, уже с первого курса постепенно отставали от прошедших по конкурсу белых студентов и вынуждены были в конце концов уходить оттуда. В результате у белых студентов, да и у преподавателей создается убеждение, что афроамериканцы от природы менее способны, хотя вслух это и не говорится. Разрыв в уровне подготовки растет и становится более очевидным по мере продвижения учащихся от начальной школы в колледж и университет. При найме на работу, особенно в корпорациях, связанных с правительственными заказами, все повторяется: молодой специалист снова сталкивается с "особым отношением", ему стесняются делать замечания и давать советы, считая, что черные могут воспринять это как проявление расизма, и поэтому оставляют его в покое. Результатом же оказывается более медленное обучение их в процессе работы, они труднее становятся частью трудового коллектива, нередко оказываются в изоляции в нем. Все это усугубляет их профессиональную слабость. Несмотря на первоначальное привилегированное положение, они часто не могут рассчитывать на значительное продвижение в служебной карьере⁴³.

Возникает своего рода "обратный расизм", когда афроамериканец, принятый на работу в компанию, верит в то, что он принят не по способностям, а из-за цвета кожи. Хотя может показаться, пишет автор, что эта проблема надуманна и во всяком случае менее серьезна, чем безработица, но она, тем не менее, приводит к нервным расстройствам и замедлению профессионального роста афроамериканцев.

Переходя к более общим проблемам движения за расовое равноправие, Мюррей пишет, что само по себе это движение привело к значительным изменениям в сознании общественности. Расизм стал категорией, вызывающей моральное осуждение, все стремятся доказать, что они не расисты. Возможно, что до братской любви между белыми и черными еще далеко, но осознание своей вины у белых присутствует достаточно отчетливо.

Подводя итоги, он утверждает, что система "предпочтительного обращения" с афроамериканцами увековечивает впечатление об их неполноценности. Эта система разделяет белых и черных, когда они вступают между собой в контакт по работе или учебе, и усиливает видимость того, что белые имеют преимущество над черными по способности и опыту. Такое впечатление остается даже тогда, когда нет оснований для реального различия между двумя этими группами населения. Именно в этом и кроется сближение между старым и новым расизмом⁴⁴.

В целом, признавая наличие расовой дискриминации в США, "неоконсерваторы" пытались доказать, что расизм в его классическом варианте в стране уже отсутствует, приняв более скрытые, даже прямо противоположные формы. При этом, отмечая, что экономическое положение темнокожих ухудшается, растет безработица, что, в свою очередь, усиливает социальную напряженность в стране, они пытались оправдать политику правительственных кругов в этом вопросе и переложить вину за создавшееся положение на самих афроамериканцев, особенно лидеров темнокожей общины. Обвиняя их в "экстремизме", авторы всячески стараются обойти молчанием такую существенно важную проблему, как нарушения элементарных прав человека и прямые расправы с "нарушителями" существующего порядка.

Естественно, многие экономисты, социологи, политологи либерального направления (К. Вест, Дарити, Г. Круз, Л. Симпсон, А. Пайнкни, Р. Уильямс, С. Уиллхем и др.) критически оценивали взгляды и теории "неоконсерваторов", утверждая, что они не учитывают пагубные последствия массовой информации и массовой культуры, пропагандирующей насилие и другие пороки, которые особенно сильно влияют на изолированную от

⁴³ Murray Ch. Op. cit., p. 18.

⁴⁴ Ibid., p. 18–24.

рабочего рынка и нормальных условий жизни черную молодежь, осуждают заслуживающие доверия программы создания рабочих мест и т.д.

Что же касается надежд на избавление американского общества от расизма, то хотя многие авторы полагали, что этого в принципе можно достичь путем постепенных реформ в рамках существующего строя, росло число ученых-немарксистов, считавших, что для этого необходимо иное общественное устройство. В частности, Пайнкни полагал, что при капитализме, процветающем за счет господства одной группы над другой, это едва ли возможно. "До тех пор, пока американское общество основано в основном на классовом делении, отличимые внешне члены меньшинства, вероятно, будут жертвами угнетения. Нельзя сказать, что расизм исчез в обществах, превратившихся из капиталистических в социалистические. Однако ликвидация капитализма просматривается если не как достаточное, то во всяком случае как необходимое условие искоренения расовых предрассудков в сознании и дискриминации в поведении"⁴⁵.

С. Уиллхелм также пришел к выводу, что поскольку в рамках существующей социально-экономической системы США афроамериканцы не смогут добиться искоренения расизма, то они неизбежно окажутся вовлеченными в процесс расовой и экономической трансформации белой Америки. "Черная Америка, – заключает он свою книгу, – должна добиваться создания нового общества справедливости, общества, которое полностью искоренит расизм и установит экономическую систему, основанную скорее на технологии производства, чем труда, и которая поэтому выйдет за рамки существующих социалистических моделей бесклассового общества"⁴⁶.

Неизвестно, удастся ли воплотить в жизнь надежды Пайнкни и Уиллхелма на появление в США подобного "общества справедливости" в нынешнем столетии, но к концу XX в. стало очевидно, что предсказания Лоури, Соуэлла и других "неоконсерваторов" 80–90-х годов были отнюдь не безосновательны. Еще со времен "нового курса" Ф.Д. Рузвельта, хотя и с модификациями либо отступлениями, связанными со сменой демократических и республиканских администраций, возобладали либеральный подход к решению проблем низших слоев с его упором на расширение ответственности государства в решении социальных проблем, государственное регулирование социальных конфликтов, создание комплекса федерально финансируемых программ социальной помощи. В результате, с одной стороны, к началу 70-х годов удалось стабилизировать ситуацию в негритянских гетто, предотвратить в основном массовые взрывоопасные обострения недовольства, локализовать очаги социальной напряженности, тем самым обеспечить определенную общественную стабильность. Но, с другой стороны, в течение последующих десятилетий постепенно накапливались и издержки подобного подхода. В частности, цена достигнутой социальной стабильности оказалась весьма высока, дойдя до трети федерального бюджета. На фундаменте программ вспомоществования вырос пугающий по своим размерам и возможностям вмешательства в частную жизнь бюрократический аппарат, а сами эти программы продемонстрировали неспособность решить проблемы, порождающие перманентное существование низшего класса. Более того, наличие разветвленной "страховочной сети" с ее многочисленными программами помощи стимулировало массовое социальное иждивенчество.

Из данных специального исследования, проведенного осенью 1995 г. Институтом Кейто, стала известна стоимость типичного "пакета помощи", включающего пособия по шести наиболее распространенным программам: помощи семьям с детьми на иждивении, продуктовых талонов, медицинской помощи нуждающимся ("Медикейд"), жилищных и коммунальных субсидий, а также субсидий на питание. Оказалось, что для типичного получателя подобного пакета – одинокой матери с двумя детьми на иждивении – его средняя ежегодная стоимость по стране в целом составляла 17,5 тыс. долл., а в восьми штатах страны и федеральном округе Колумбия – превышала 20 тыс. долл.

⁴⁵ Pinkney A. Op. cit., p. 59.

⁴⁶ Willhelm S. Op. cit., p. 351–352.

Сравнение величины получаемой в рамках указанных программ финансовой поддержки с ее эквивалентом почасовой заработной платы показало, что в 39 штатах и федеральном округе Колумбия пособия дают больше, чем полная занятость с почасовой оплатой от 8 до 12 долл. Кроме того, в отличие от заработной платы, пособия не облагаются налогами, что также увеличивает их привлекательность и снижает стимулы к социальной адаптации, включению в трудовую жизнь, способствуя устойчивости люмпенизированной прослойки. К тому же белые получатели социального вспомоществования географически рассредоточены, а афроамериканцы сконцентрированы в районах нищеты городских центров, социально заметны, представляют объект социального неприятия. И поэтому проблема социального вспомоществования оказывается зачастую окрашенной в расовые тона⁴⁷.

Другой объект массового недовольства – программы "позитивных действий" в 60-е годы, когда президент Джонсон вводил эти программы, оправдывая их необходимость тем, что от людей, многие поколения которых подвергались дискриминации, нельзя ожидать, чтобы они вступили в гонку "на равных", большинство американцев соглашалось с подобной логикой. Но сегодня возобладало мнение, что государство пошло гораздо дальше простого обеспечения равенства стартовых возможностей, пытаясь самостоятельно определять победителей. А это противоречит излюбленному американскому принципу, что жизненный успех должен определяться упорным трудом и личными достоинствами, а не расовой принадлежностью, полом или религией.

В дальнейшем программы позитивных действий получили распространение не только при найме в частном секторе, но и при поступлении в высшие учебные заведения, при подборе преподавательских кадров, в профсоюзах, на государственной службе. К началу 1980-х годов программы позитивных действий стали интегральной частью американской системы. Поэтому на различные типы льгот формально смогло претендовать около двух третей населения США. Помимо черных, это и женщины, и большинство расово-этнических групп. Причем в отношении многих из них (как, к примеру, кубинцев или послевоенных азиатских иммигрантов) невозможно говорить о какой-либо исторической дискриминации, последствия которой следует компенсировать⁴⁸.

Согласно проведенному газетой "Уолл-стрит Джорнел" совместно с "Эн би си ньюс" в 1995 г. специальному опросу, двое из каждых трех американцев оказались противниками программ "позитивных действий". Но это – только средние цифры. Данные опросов, проведенных раздельно среди белых и меньшинств, дали более многомерную картину. Согласно опросу еженедельника "Ньюсуик", 79% белых – против льгот расовым меньшинствам при приеме на работу или в высшие учебные заведения, тогда как 50% меньшинств являлись сторонниками подобных льгот⁴⁹.

Сам неформальный термин "квоты" уже прочно вошел в политический лексикон и стал боевым кличем протеста белых мужчин из числа средних и низших слоев (особенно конторско-торговых служащих и высококвалифицированных рабочих)⁵⁰, видящих в них непосредственное ущемление своих интересов. Согласно опросам, 75% белых считали, что обладающие необходимыми знаниями и подготовкой афроамериканцы и другие меньшинства не должны пользоваться преимуществами перед имеющими такие же знания и подготовку белыми при получении работы или распределении мест в колледжах и университетах. Подобные преимущества все больше воспринимались белыми как "дискриминация наоборот". Противники основанных на расовых категориях программ указывали на их "токсичный" характер, способствующий упрочению расово-эт-

⁴⁷ Червоная С.А. Расовые взаимоотношения в свете президентских выборов в США. – США – Канада. Экономика. Политика. Культура. 1996, № 4, с. 32–34; Политическая система США. Актуальные изменения. М., 2000, с. 272–275.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Newsweek, 3.IV.1995, p. 25.

⁵⁰ Керемецкий Я.Н. Политическое сознание рабочего класса США. М., 1991, с. 67.

нических водоразделов, расовых антагонизмов, разъединяющих ткань американского общества.

Накануне президентских выборов 1996 г. республиканцы не преминули взять на вооружение этот вопрос. "Позитивные действия не принесли нам желаемого результата – слепого к цвету кожи общества, – утверждал бывший министр образования, один из стратегов республиканской партии в области социальной политики У. Беннет. – Они, напротив, породили общество, в котором цвет кожи играет чрезвычайно большую роль"⁵¹.

Другие указывали на значительное напряжение, порождаемое этими программами на рабочих местах: многие белые скептически относились к представителям меньшинств, получившим рабочее место благодаря льготам. А скептицизм белых, по словам темнокожей писательницы Ш.Б. Ходж, "рождает защитную реакцию со стороны афроамериканцев. Взятые вместе, они создают токсичный климат расовых отношений на работе"⁵².

ЧЕРНЫЙ РАСИЗМ

16 октября 1995 г. в американской столице состоялся объявленный почти за два года до этого экстремистской организацией "Нация ислама" и широко разрекламированный "марш миллиона мужчин" на Вашингтон. Правда, собрать столько людей не удалось, но более 400 тыс. мужчин туда прибыли, что стало крупнейшей манифестацией темнокожих американцев за всю их историю. Перед ними на трибуне за пуленепробиваемым стеклом, в окружении телохранителей, чем-то напоминающих штурмовиков, стоял и вещал харизматический вождь. Это был элегантно одетый афроамериканец в очках, лидер "Нации ислама" Л. Фаррахан. Он сумел вовлечь собравшихся в совместное действие и превратить их в некий единый тысячеголовый организм. Для этого Фаррахан использовал старый прием "посыл – ответ", применявшийся черными проповедниками на молитвенных собраниях рабов, а позже в негритянских церквях. Он выкрикивал короткие лозунги, которые повторялись затем многотысячной толпой: "Я – черный! Я – сильный! Завтра я буду еще сильнее! Завтра я буду еще умнее! Завтра я буду еще лучше! Я никогда не буду белым!". Но между этими фразами о самосовершенствовании им ловко вставлялись расово-политические лозунги: "Белые живут за мой счет! Я не хочу больше быть жертвой! Власть черных лучше власти белых!". И другие. Люди с вскинутыми кулаками и горящими глазами повторяли их по 20 раз и, привыкнув к такой форме внушения и самовнушения, несметная толпа складно скандировала все это⁵³.

Поразглагольствовав в своей более чем двухчасовой речи о мире с белыми и о достоинстве черных американцев, Фаррахан обрушился затем на "отцов-основателей", обвинив их в негритянском рабстве и лицемерном демократизме, в том числе и за принятую ими конституцию, которую назвал расистским произведением закоренелых рабовладельцев. А попутно он внес и немало собственных "открытий" во всемирную историю, объявив, например, что египетские пирамиды построили негры, что белый Наполеон обстрелял там Сфинкса как "негра", что негром был и Иисус Христос, перекрашенный белыми расистами, как и само христианство, в белый цвет, что и первая женщина – Ева была черной, что именно "кровососы"-евреи якобы привезли в Америку 150 млн. (!!) черных рабов, а теперь "выжимают соки" из их потомков и т.д.⁵⁴

В "Нации ислама" числилось всего 20–25 тыс. членов, а темнокожих граждан США насчитывалось более 32 млн. человек, и еще не так давно они избегали экстремистов из этой организации. Более того, почти вплоть до 60-х годов отношения между афроамериканцами и американскими евреями были в целом нормальными и характеризовались

⁵¹ Newsweek, 10.VII.1995, p. 26; США – Канада. Экономика. Политика. Культура, 1996, № 4, с. 38–39.

⁵² Политическая система США. Актуальные измерения, с. 274.

⁵³ Новое русское слово, Нью-Йорк, 27.X.1985; Time, 30.X.1995.

⁵⁴ Известия, 19.X.1985.

взаимной поддержкой в длительной общей борьбе тех и других против расовой и этнической дискриминации, расизма и антисемитизма, ку-клукс-клана и американских нацистов.

Почему же в 80–90-х годах стали возможны публичные восторги Фаррахана и его сподвижников по поводу "решения еврейского вопроса" Гитлером или прозвучавший в Чикаго буквально за два дня до "марша миллиона" демонстративный вызов молодежного лидера "Нации ислама" К. Экса: "Я обращаюсь к еврейской Америке: готовьтесь к войне. Мы собираемся отправить вас в ад"⁵⁵?

Созданная в начале 1930-х годов И. Мухаммедом секта "Нация ислама" в 60-х годах превратилась в массовую и строго централизованную организацию с весьма эффективным руководством и военизированной службой охраны. Лидеры черных мусульман отвергали как физическую, так и культурную ассимиляцию, проповедуя полный отказ от американской культуры и создание "потерянной и найденной" черной нацией своей, отличной от белой, культуры и системы ценностей. Этой цели служили как замена черными мусульманами английских имен и фамилий на арабо-мусульманские, так и мифы об их великом прошлом и не менее великом предназначении. Осуждая христианство, они призвали черных не верить черным священникам, помогающим белым держать "так называемых негров" под своим неусыпным контролем⁵⁶.

Не менее активно "Нация ислама" критиковала иудаизм и спекулировала на антисемитизме среди темнокожей бедноты в гетто, связанном с тем, что большинство действительных или мнимых белых эксплуататоров, с которыми она непосредственно сталкивалась, представляли евреи – хозяева ломбардов и мелких магазинов в гетто. Именно за этот акцент в пропаганде черных мусульман их открыто приветствовала в 60-х годах партия американских нацистов во главе с Д. Рокуэллом⁵⁷. Когда в 1975 г. И. Мухаммед умер, руководство организацией перешло к его сыну, который отказался от националистической идеологии, проповеди расовой ненависти, сепаратизма и переименовал "Нацию ислама" во "Всемирную общину ислама на Западе".

Между тем, вскоре после убийства в 1968 г. Мартина Л. Кинга, даже некоторые из его соратников потребовали отказа от проводимой им тактики ненасилия в борьбе за гражданские права, утверждая, что она в значительной степени себя изжила⁵⁸.

В 70–80-х годах движение за гражданские права вступило в новую фазу, полностью отличную от предыдущего десятилетия, когда оно не только добилось крупных побед и признания, но и принесло многим афроамериканцам чувство достоинства и гордости за свои достижения. В целом, как расовое меньшинство, они завоевали равное избирательное право, равное право на жилье, образование и на получение работы.

Однако эти успехи мало изменили социально-экономическое положение почти половины афроамериканцев. В годы экономических кризисов вдвое больше черных, чем белых, теряли работу, а доходы черных уменьшались гораздо быстрее. Фактическая, хотя и завуалированная расовая дискриминация, несмотря на все юридические запреты, как на рынке труда, так и в сфере высшего образования сохранялась. Поэтому основным требованием афроамериканцев стало теперь не юридическое равноправие, а фактическое равенство черных во всех сферах жизни, не равенство возможностей, а равенство результатов, ибо официальное получение гражданских прав не поколебало основ их социально-экономического неравенства⁵⁹.

Что же касается еврейского населения США, то исследователи его жизни и судьбы обычно подчеркивают его активную социальную мобильность. В первой четверти XX в. около 90% всех работавших восточноевропейских евреев-иммигрантов были "си-

⁵⁵ Новое русское слово, 27.X.1995.

⁵⁶ *Нитобург Э.Л.* Церковь афроамериканцев в США. М., 1995, с. 187.

⁵⁷ *Rose P.* They and We. Racial and Ethnic Relations in the United States. New York, 1964, p. 140.

⁵⁸ *Time*, 6.IV.1970, p. 12–13, 15.

⁵⁹ Расы и народы, вып. 23, 1994, с. 167–217.

ними воротничками": почти 60% их были заняты в промышленности, 12,4% – в сфере домашнего обслуживания, 10,4% – в качестве чернорабочих, 2,4% – в сельском хозяйстве, 10,1% – в торговле и лишь 2% – в качестве "специалистов и лиц свободных профессий". Но уже в 1935 г. 60% молодых евреев, т.е. детей иммигрантов, были заняты в качестве "белых воротничков"⁶⁰. «Даже если евреи жили в трущобах, – писал (не без намек в адрес нынешних обитателей "черных гетто") современный исследователь афроамериканец, известный уже читателю профессор Т. Соуэлл, – эти трущобы отличались от остальных, там было меньше алкоголизма, убийств, случайных смертей, чем в других трущобных районах или даже по городу в целом. Их детей отличал более низкий уровень таких показателей, как отлынивание от занятий в школе, детская преступность, более высокий уровень умственного развития. Вопреки многим утверждениям о том, что условия трущоб формируют человека, навязывая ему свои ценности, евреи имели собственные ценности, с которыми они пришли, и с ними же они покинули позже эти трущобы»⁶¹.

С началом в 50-х годах в США научно-технической революции тенденция к росту в структуре занятой рабочей силы группы "белых воротничков" стала характерна для всего населения страны, и доля занятых в ней, в том числе доля подгруппы "специалисты", резко выросла. В 1970 г. среди евреев третьего поколения на долю группы "белых воротничков" приходилось 88%, и в том числе на долю "специалистов" – 27,4%. Причем рост подгруппы "специалисты" среди них происходил теперь уже не столько за счет врачей, фармацевтов и юристов, как в 20–30-е годы, сколько за счет инженеров, архитекторов, научных работников и преподавателей высших учебных заведений. В 1971 г. доля евреев среди студентов вузов была пропорционально вдвое, а в аспирантуре – даже втрое выше, чем во всем населении США в целом. В результате к 1980 г. доля лиц, занятых в элитных профессиях, в еврейском населении поднялась до 71%, тогда как применительно ко всему занятому населению, включая афроамериканцев, этот показатель не превышал 28%⁶². Составляя в начале 80-х годов не более 2,7% населения США, американские евреи получили к тому времени 27% всех Нобелевских премий, которых удостоились ученые и деятели культуры этой страны⁶³. В то же время, по разным оценкам, от 12 до 15% лиц еврейского происхождения в США к началу 80-х годов жили на уровне и ниже ежегодной устанавливаемой официально черты бедности. А на другом полюсе по уровню доходов находится примерно около 10% еврейских семей, представляющих среднюю и крупную буржуазию⁶⁴. И хотя доля последней в общей массе еврейского населения ничтожна, влияние, оказываемое ею не только на него, но и на политику местных и федеральных властей, довольно значительно.

В конце 60-х годов американская пресса заговорила о так называемом "черном антисемитизме". Хотя американские евреи издавна поддерживали борьбу афроамериканцев против расовой дискриминации и сегрегации и внесли в нее свой вклад, во второй половине 60-х годов ситуация постепенно начала меняться. К этому времени большая часть городского темнокожего населения страны все еще ютилась в "черных гетто" – перенаселенных трущобах, которые ранее были заселены иммигрантами-евреями из Восточной Европы, чьи дети позже переехали в лучшие городские районы либо в "лилейно-белые" пригороды. Афроамериканцы знали об этом. Кроме того, какая-то часть белых коммерсантов, владельцев жилых домов и торговых заведений в "черных гетто", была евреями. Причем квартирная плата и цены на товары в гетто всегда были выше, чем в

⁶⁰ The Jews. Their History, Culture and Religion, v. 2. New York, 1960, p. 1563–1569, 1711–1712.

⁶¹ Sowell T. The Ethnic America, p. 94.

⁶² American Jewish Yearbook 1971, p. 74, 77–78; American Jews. A Reader. Ed. by M. Sclar. New York, 1979, p. 113; The Jewish Communities of the World. London, 1989, p. 175.

⁶³ The American Journal of Sociology, 1969, v.76, p. 625; Prager D., Telushkin J. Why the Jews? New York, 1983, p. 49–50.

⁶⁴ Cottle T. Hidden Survivor. Portraits of Poor Jews in America. Engelwood Cliffs, 1980, p. 1–4; Zweigenhaft R., Domhoff G. Jews in Protestant Establishment. New York, 1982, p. 20.

остальных кварталах. Наконец, в крупных городах афроамериканцы нередко работали на предпринимателя-еврея и едва ли могли питать к "хозяину" особые симпатии. Вдобавок ко всему этому в те годы многие белые родители, в том числе и евреи, в городах Севера и Запада возражали против десегрегации школ. Ну, а если афроамериканец еще оказывался и членом профсоюза, руководителем которого являлся еврей, то все, что казалось ему неправильным в деятельности союза или несправедливым, он нередко связывал с евреями вообще⁶⁵.

В большинстве своем так называемые расовые беспорядки тех лет были проявлением не столько антисемитизма, сколько социального протеста, ибо отчаявшиеся обитатели гетто сжигали магазины, принадлежавшие не только евреям и другим белым, но нередко и темнокожим владельцам. Но как раз тогда появился совершенно новый фактор, действительно на долгие годы обостривший отношения между американскими евреями и афроамериканцами. Начало этому процессу положила так называемая "шестидневная война" 1967 г. между Израилем и напавшими на него, но потерпевшими поражение, арабами. Оккупация Израилем части территории этих арабских стран вызвала гнев и вспышку антисемитизма среди "черных мусульман" и других молодых афроамериканцев, симпатизировавших арабам и угнетаемым темнокожим народам. В 70-х годах после новой войны на Ближнем Востоке и разгрома Израилем армий напавших на него арабских государств в 1973 г., а также в связи с ростом самосознания афроамериканцев и растущих претензий их на выборные и другие посты местного и федерального уровня, антисемитские настроения среди темнокожего населения США заметно выросли⁶⁶.

Культивированию их способствовали не только усилия различного рода антисемитских элементов, но и постепенное изменение отношения к афроамериканцам со стороны самого еврейского среднего класса, расистские высказывания и взгляды некоторых его представителей. "Организованная еврейская община, – свидетельствовал раввин А. Герцберг, – сдвинулась вправо и позволила себе, по крайней мере, с точки зрения черных американцев, занять антинегритянские позиции"⁶⁷. И если в 40–60-х годах на всех президентских выборах от двух третей до девяти десятых еврейских избирателей голосовало так же, как и афроамериканцы, за кандидата демократической партии, то в 1980 г. – впервые за полвека – 40% избирателей-евреев проголосовали за республиканцев и их кандидата в президенты Р. Рейгана⁶⁸.

К этому времени американские евреи были представлены на самых высоких постах: министров, советников и помощников президентов, послов, губернаторов штатов. Не превышая в 1980-х годах 2,7% населения, в федеральном конгрессе они составляли 3,4%, в политических партиях – 8, на политических постах – 10,6, на гражданской службе – 15,1, среди занятых в средствах массовой информации – 25,8%⁶⁹. Ныне американские евреи оказались широко представлены в правлениях, а также советах директоров крупных промышленных компаний и престижных университетов, в средствах информации, искусстве.

В то же время возросла активность черных сепаратистов, нашедших себе нового пророка в лице не очень до того известного Л. Фаррахана (его подлинное имя – Луис Юджин Уолкотт). В конце 50-х годов, примкнув к "черным мусульманам" и сменив имя, он поднялся затем в иерархии "Нации ислама" от рядового охранника до советника одного из руководителей этой организации. А когда в 1975 г. умер ее бессменный глава И. Му-

⁶⁵ Glazer N., Moynihan D. Beyond the Melting Pot. New York, 1963, p. 72–73; The Ghetto and Beyond, p. 283–284; Political Affairs, 1966, v. 45, № 12, p. 33.

⁶⁶ Liebman C. Ambivalent American Jew. Philadelphia, 1973, p. 38; Rosenberg S. The New Jewish Identity in America. New York, 1985, p. III; Davidovitz L. On Equal Terms: Jews in America, 1881–1991. New York, 1982, p. 147.

⁶⁷ Feuerlicht R. The Fate of Jews. New York, 1983, p. 191; Isaacs S. Jews and American Politics. Garden City, 1974, p. 165, 166; The Times, 24.X.1988.

⁶⁸ Cohen S. American Modernity and Jewish Identity. New York, 1983, p. 134–135; Pomper G. The Elections of 1976. New York, 1977, p. 93, 143; Davidowicz L. Op. cit., p. 155, 157–158; Black and Jews, p. 184.

⁶⁹ American Sociological Review, 1982, v. 47, p. 377–378, 381.

хаммед, Фаррахан, используя его идеологическое наследие, перенял "эстафетную палочку" и создал свою, новую организацию под прежним названием и с прежней мифологией. Вначале его никто всерьез не принимал, ибо после борьбы 60-х годов, принятия законов о гражданских правах и осуществления "программы позитивных действий" афроамериканцам стало гораздо легче получить образование, устроиться на федеральную и муниципальную службу и занять выборный пост. Более чем в 1,5 раза вырос черный средний класс. Однако по сравнению с белыми американцами среди остальной части черных намного поднялся уровень безработицы и нищеты. В стране все еще существовали бытовой расизм и завуалированная дискриминация по цвету кожи.

Распространяемые Фарраханом и его людьми "протоколы сионских мудрецов" стали находить в "черных гетто" все более широкий отклик. Так, новая "Нация ислама", подпитываемая финансовыми субсидиями из Ливии и некоторых иных арабских стран, постепенно вынудила считаться с собой другие афроамериканские организации и американские средства информации. А в середине 80-х годов уже не только Фаррахан, но и самый популярный тогда черный общественный деятель Дж. Джэксон иронически назвал в частной беседе старые еврейские кварталы в Чикаго "Хаймтауном", о чем сообщила пресса. Вскоре он выступил с открыто враждебным заявлением в адрес "сионистов", видимо, забыв, что М.Л. Кинг, соратником которого он считал себя в молодости, услышав однажды в Гарвардском университете тираду черного студента против "сионистов", сказал: "Когда люди критикуют сионистов, они подразумевают евреев. То, что вы говорите – это антисемитизм"⁷⁰.

Накануне президентской выборной кампании 1984 г. Фаррахан в серии своих радиопередач называл Гитлера "великим человеком", иудаизм – "вульгарной религией", а Израиль и его друзей – "преступными заговорщиками". Газеты сообщали о связях Фаррахана не только с ливийским диктатором Каддафи, но и с лидером американских нацистов Т. Метцджером. Как подчеркнул в статье, опубликованной летом 1992 г. в "Нью-Йорк таймс", глава Центра афроамериканских исследований Гарвардского университета Г. Гейтс, сам афроамериканец, лидеры "Нации ислама" использовали антисемитизм в своей борьбе за контроль и власть над черной общиной. Изданную "Нацией ислама" в 1991 г. книгу "Тайные связи между черными и евреями", беспардонно фальсифицирующую на своих страницах историю и широко распространяемую по всей стране, Гейтс назвал "Библией черного антисемитизма"⁷¹. Результаты проведенного к этому времени институтом Гэллапа опроса о популярности четырех темнокожих лидеров показали, что, если белые американцы отдали Фаррахану лишь 8%, то афроамериканцы – 34%, т.е. более трети всех голосов⁷².

К 1993 г. афроамериканцы занимали более 8 тыс. выборных постов, в том числе 40 – в конгрессе, но это не превышало 1,6% таких постов в США, тогда как доля афроамериканцев в населении составляла 12%. В то же время доля их среди американских граждан, погибших от пули, – 45%. Если среди белых американцев к 1993 г. "за чертой бедности" жили 11%, то среди черных – 33%. В средний класс пробилось чуть более трети черных, а у евреев – три четверти. Один из каждых четырех афроамериканцев в возрасте от 20 до 25 лет уже побывал за решеткой⁷³.

Все это в немалой мере объясняет, почему Фаррахану, спекулировавшему на сложных проблемах жизни темнокожего населения, удалось собрать в Вашингтоне в октябре 1995 г. сотни тысяч афроамериканцев разных взглядов и убеждений. И хотя целый ряд видных деятелей и организаций черной Америки решительно отмежевался от "На-

⁷⁰ The Wall Street Journal, 3.VII.1984; *Tobin G. Jewish Perceptions of Antisemitism*. New York, 1988, p. 113–114; *Prager D., Telushkin J.* Op. cit., p. 174; *Sachar H. A History of the Jews in America*. New York, 1993, p. 820; The New York Times, 31.X.1995.

⁷¹ *Tobin G.* Op. cit., p. 54–55; *Newsweek*, 16.II.1981, p. 33; The New York Times, 20.VII.1992.

⁷² *Newsweek*, 6.V.1991, p. 23.

⁷³ Атлас ИТАР–ТАСС, 28.X.1994; *Black and Jews*, p. 173; *Time*, 30.X.1995, p. 34.

ции ислама" и осудил ее лидера, присутствие рядом с Фарраханом на трибуне и выступления там Дж. Джэксона, мэра столицы Мариона Барри, некоторых черных конгрессменов, священнослужителей и музыкантов говорили сами за себя.

Правда, по мнению некоторых отечественных исследователей, слушавшие Фарраха-на мужчины, многие с сыновьями на плечах, самым своим видом утверждали: посмотрите на нас и наших детей – мы не похожи на существующий в вашем сознании стереотип черных. И поэтому выступление его "в восприятии многих белых предстало не угрожающим, а обнадеживающим", что "дает надежду на возможность пусть не преодоления расового водораздела, то хотя бы наведения через него мостов сотрудничества и взаимопонимания"⁷⁴.

Однако, на наш взгляд, это не совсем так, ибо лучше всего о настроениях афроамериканцев свидетельствуют опросы. Если до "марша миллиона" деятельность Фаррахана позитивно оценивало не более трети их, то после – 50%. На вопрос, является ли Фаррахан фанатиком и расистом, 48% опрошенных белых американцев ответили "да", а 42% черных – "нет". На вопрос, можно ли ему доверять, 43% белых ответили "нет", а 59% черных – "да". На вопрос, можно ли считать его примером для молодых афроамериканцев, 52% белых сказали "нет", а 59% черных – "да". На вопрос, будут ли в дальнейшем межрасовые отношения улучшаться, 54% белых ответили "да", а 59% черных полагают, что "нет"⁷⁵. В 1968 г. президентская Комиссия по расследованию расовых беспорядков, охвативших в то время десятки городов США, предупреждала: "Наша нация движется к двум обществам – белому и черному, разделенным и неравным". И, судя по признанию президента Б. Клинтона, заявившего по радио в день "марша миллиона", что пропасть, зияющая между теми и другими, "разрывает сердце Америки", ситуация в этом отношении к лучшему не изменилась. Только в 50-х годах с открытым забралом обычно выступал белый расизм, а в конце XX в. – уже черный.

Таким образом, старый классический расизм линчевателей из ку-клукс-клана ныне, как правило, уже предпочитает "не высовываться". Тем не менее, расистского типа мифы и предрассудки еще живут в сознании либо в подсознании значительной части белых американцев. В городах все еще существует практическая расовая сегрегация в жилищной сфере, а также завуалированная дискриминация в некоторых сферах жизни. Расизм, хотя и "стыдливый", сохраняется на бытовом уровне и принимает новые, более утонченные формы. И ясно, что афроамериканцам предстоит пройти еще длительный и трудный путь, прежде чем они добьются фактического равенства со своими белыми согражданами на основе действительно полной интеграции с американским обществом.

Расизм, фигурально выражаясь, "прививался" североамериканскому обществу в течение почти трех веков. Сознанием нескольких поколений белых американцев он впитывался с младенческих лет, буквально "с молоком матери". Поэтому он, конечно, не может исчезнуть из общественного сознания, не говоря уж об отдельных людях, за какие-нибудь три – четыре десятилетия. Для этого тоже потребуются и определенные социальные сдвиги, и жизнь отнюдь не одного поколения. Но важно, и это сейчас главное, что расизм в США стал категорией, вызывающей все более широкое моральное осуждение и впервые оказался не просто "в обороне", но вынужден маскироваться и все чаще отступать.

⁷⁴ Червонная С.А. Указ. соч., с. 31.

⁷⁵ Новое русское слово, 27.X.1995; Time, 30.X.1995, p. 52.